

Публикуются на сайте с разрешения правообладателя.
«Люби Россию в непогоду» (2006) Публицистика (М., Вагриус, 2006)

Борис Васильев

"ПОКУПАЙТЕ БРИЛЛИАНТЫ!"

Эта заманчивая реклама висела в Столешниковом переулке. Она была в глаза москвичам при спуске от Моссовета, потребительского зуда не вызывала, но я почему-то всегда в нее утыкался. В кармане, как правило, было пусто, поскольку семейный бюджет складывался из двух студенческих стипендий, но в Столешниковом располагался любимый букинистический магазин, и раз в месяц я его непременно посещал. Не для того, чтобы приобрести, а для того, чтобы помечтать: о бриллиантах мечтать было неинтересно.

Жилось голодно, холодно и по-студенчески весело. Кончилась война, возвращались уцелевшие родные и знакомые, а в магазинах даже появилась горчица без карточек, что рассматривалось, как признак грядущего благополучия. В ожидании его мы одолжили некую сумму для приобретения двух мешков картошки, которую обещала раздобыть инициативная группа в институте. Однако почему-то не успели сдать деньги в срок, и тут объявили о денежной реформе.

Она была жесткой как по форме, так и по содержанию. По форме обмен старых денег на новые строго ограничивался во времени, а по содержанию - и по сумме тоже. В карманах у нас всегда гулял веселый молодой сквознячок, но тут на руках оказался одолженный под картошку капитал, равный добрым трем стипендиям, и это - озадачивало. И тогда я предложил смелую финансовую операцию: приобрести в Букинистическом редкие книги на все картофельное богатство, а потом вновь сдать их в магазин, чтобы вернуть долг. И получив согласие юной супруги, помчался в Столешников.

В шумном и всегда светлом переулке было темно и тихо, как в глухой подворотне. Все магазины были закрыты, витрины и фонари погашены, но почему-то ярко светилась бриллиантовая реклама. Под нею и в свете ее виднелись одинокие темные и абсолютно неподвижные мужские фигуры. В их отрешенном молчании звучало нечто пронзительно-режущее, не тянущее, впрочем, на трагедию, но дающее представление о личной драме весом значительно существеннее, нежели долг в три студенческих стипендии.

Долг мы, естественно, вернули, хотя и остались на зиму без картошки. Но вспоминать следует не потери, а приобретения. И такое я получил

при свете явно ироничной рекламы. Я понял, что родная Советская власть сначала закрывает магазины и гасит свет, и только после этого объявляет о денежных реформах.

Вывод пригодился при Хрущевской деноминационной реформе. О ней Никита Сергеевич поведал лично, убеждая, что после сокращения одного нуля на купюрах в нашем народе непременно возникнет столь несвойственное ему чувство бережливости ("Уж теперь-то каждый копеечку с земли поднимет!.."). Однако ни о сроках, ни об условиях будущей деноминации никто более не говорил, и народ готовился к проявлению бережливости в полном неведении относительно грядущего перетряхивания собственных финансов. А я вспоминал темный Столешников переулочек и неподвижные молчаливые фигуры...

Пишу об этом для того лишь, чтобы напомнить о хроническом недоверии, которым заражено подавляющее большинство наших сограждан по поводу решительно всех денежных манипуляций, проводимых Правительством. Увы, недоверие это, к сожалению, имеет основания: вспомните, к примеру, последнее решение последнего советского министра финансов Павлова о замене пятидесятитысячных купюр. Постоянное стремление к закрытости и внезапности, драконовские сроки обмена порождали абсолютно никчемные трудности у основной массы ни в чем неповинного населения, вызывая раздражение и чисто человеческие обиды. Возникало ощущение, что нас опять хотят обмануть, провести, обьегорить, и мы всячески пытались в свою очередь "обьегорить" родное правительство.

Однако нули на наших купюрах размножаются и размножаться будут, если не попытаться прервать движение этого "вечного двигателя". Подобное уже случалось в Советской России. Мама мне рассказывала, как каждый месяц ходила в Военкомат получать отцовское командирское жалование. Он где-то еще воевал, но в двадцатом году начали платить более или менее регулярно, однако тогда его месячное денежное довольствие требовало хорошего мешка. И наполнив этот денежный мешок, мама прямо из Военкомата шла на рынок, где сразу же и тратила все отцовское жалование. На соль - так на соль, на мыло - так на мыло, потому что как соль, так и мыло уже к следующему утру могли стоить чуть ли не вдвое дороже, а деньги не стоили даже бумаги, на которой кое-как были напечатаны.

Россия все прошла, и все повидала, свернув в семнадцатом году с прямого пути на глухую торную дорогу, только считать так и не научилась. Нечего было считать подавляющему большинству ее граждан, кроме давно сочитанных рублей от аванса до полочки и от полочки до аванса. А учиться

этому, мусоля в руках цветные бумажки со многими нулями, да еще и разного формата - ох, как непросто! По себе знаю.

Знаю потому, что я - впервые в жизни! - стал миллионером еще в 1990-м году, когда приехал в Италию в составе Парламентской делегации и получил на руки ровнехонько миллион лир на прокорм. И никак не мог понять, дешево ли то, что я покупаю, или - сердито? И так и не освоился за все две недели пребывания в Риме. В конце, правда, стало легче, поскольку триста тысяч лир у меня просто-напросто "увели" из кармана ловкие итальянские "щипачи".

Исторически мы привыкли считать, условно говоря, на пальцах, поскольку отношения заработка и цен легко укладывались в эту операцию. Для примера напомним как заработки, так и расценки на август 1917-го. То есть, за два месяца до "Великого Октября":

ДНЕВНОЙ ЗАРАБОТОК.

Плотники, столяры	- 8 руб. 50 коп.
Штукатуры	- 8 рублей.
Кузнецы	- 8 руб. 50 коп.
Слесари	- 9 рублей.
Чернорабочие	- 8 рублей.

ЦЕНЫ НА ПРОДУКТЫ.

Черный хлеб (фунт = 0,4 кг.)	- 0 12 коп.
Белый "	- 0 20 коп.
Говядина "	- 1 руб. 10 коп.
Телятина "	- 2 руб. 15 коп.
Свинина "	- 2 рубля.
Селедка "	- 0 52 коп.
Сыр "	- 3 руб. 50 коп.
Масло "	- 3 руб. 20 коп.
Яйца (десяток)	- 1 руб. 60 коп.

(Данные Московской Торговой Палаты).

Такое соотношение насущного с реальным не требует никаких денежных реформаций: в простой системе нечего ни сокращать, ни менять, ни скрывать. Но чтобы достичь ее, требуется не просто хорошо работать, но и хорошо платить налоги, а мы не любим как первого, так и последнего. Не от лени или, там, скупости, а потому, что не верим. И наше неверие стало такой же составляющей нашей общей бедности, как повальное воровство, повальное мошенничество и повальное пьянство. Три прожорливых пустоты нашей жизни, которые, конечно же, следует перечеркнуть, как нули на расплодившихся купюрах. И если очередная денежная реформа будет подкреплена остатками нашей веры, если Государственные Мужья перестанут уговаривать Правительство под шумок напечатать два-три десятка триллионов ради упрощенного латания бюджетных дыр, то она и впрямь может оказаться последней. И мы наконец-таки вернемся к приведенным выше таблицам. И если не мы, так внуки наши замкнут восьмидесятилетний порочный круг бессмысленного разбазаривания народных сил и средств.

В России все возможно. Даже забота о детстве, инвалидах и старости.